

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА POLITICAL SCIENCE

Скоробогатский В.В. Судьба СССР: теоретическая загадка или идеологический миф? // Антиномии. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 67-95. https://doi.org/10.17506/26867206_2023_23_4_67

УДК 32(470)

DOI 10.17506/26867206_2023_23_4_67

Судьба СССР: теоретическая загадка или идеологический миф?

Вячеслав Васильевич Скоробогатский

Уральский институт управления – филиал РАНХиГС

г. Екатеринбург, Россия

E-mail: skorobogatskiy-vv@ranepa.ru

*Поступила в редакцию 04.09.2023, поступила после рецензирования 07.11.2023,
принята к публикации 08.12.2023*

Более 30 лет, начиная с перестройки второй половины 1980-х гг., в нашей стране предпринимаются попытки решить двуединую задачу – создать эффективную экономику современного (рыночного) типа и построить демократическое, социальное и правовое государство. И по мере того, как обнаруживаются серьезные разрывы между поставленными целями и достигнутыми результатами, в обществе все больше распространяется ностальгия по советскому прошлому, миф о советском как потерянном рае. Сам переход от прошлого к «новому» настоящему оказался хаотическим и неуправляемым, с ощутимой тенденцией к откату назад и поиском обходных путей. Пробелы в стратегии развития во многом обусловлены состоянием российской социальной науки, несоответствием ее эмпирической базы и теоретико-методологического потенциала тем историческим задачам, которые стоят перед обществом и государством. Социальная наука, возникавшая

© Скоробогатский В.В., 2023

в XIX столетии, в полной мере усвоила требования, которые сложились в ходе формирования классической науки типа «сайенс». Сложившаяся во второй половине XIX в. на основе теории биологической эволюции Ч. Дарвина парадигма науки включает в себя антiteleологическую установку, суть которой – обоснование природообразного, стохастического характера исторического процесса и косвенное признание антропогенеза производным, вторичным аспектом становления Большого общества, венчаемого появлением государства. Современная социальная наука, оставаясь в пределах эволюционной парадигмы и основных положений материалистического понимания истории, находится в стороне от реальных задач, стоящих перед обществом. В качестве выхода из данного состояния в статье предлагается переход к новой парадигме научного познания, формирующейся на основе системного, институционального, социокультурного подходов, кибернетики, синергетики и др. Этот переход, сопровождаемый переработкой и расширением эмпирической базы исследований, обновлением теоретико-методологического потенциала социальной науки и деконструкцией идеологического мифа о СССР, может создать необходимые условия для теоретически корректной постановки проблемы исторической судьбы Советского Союза и ее научного решения.

Ключевые слова: дух науки, человеческая субъективность, парадигма социальной науки, революция, эволюция, антiteleологическая установка, время в истории, освобождение человека от власти прошлого, рефлекс свободы, этическое начало истории

The Fate of the USSR: A Theoretical Mystery or an Ideological Myth?

Vyacheslav V. Skorobogatskiy

Ural Institute of Management – Branch of RANEPА

Yekaterinburg, Russia

E-mail: skorobogatskiy-vv@ranepa.ru

Received 04.09.2023, revised 07.11.2023, accepted 08.12.2023

Abstract. For more than thirty years, since the perestroika of the second half of the 1980s, attempts have been made in our country to solve a twofold task – to create an effective economy of a modern (market) type and to build a democratic, social, and legal state. As serious gaps between the goals set and the results achieved are revealed, nostalgia for the Soviet past, the myth of the Soviet as a lost paradise, is spreading more and more widely in society. The very transition from the past to the “new” present turned out to be chaotic and uncontrollable, with a palpable tendency to roll back and search for workarounds. The gaps in the development strategy are largely due to the state of Russian social science, the discrepancy between its empirical base and theoretical and methodological potential, and the historical tasks facing society and the state. Social science, which arose in the 19th century, fully assimilated the requirements that had developed in the course of the formation of classical science of the “science” type. The paradigm of science, formed in the second half of the 19th century based on Charles Darwin’s theory of biological evolution, includes an antiteleological attitude, the essence of which is the substantiation of the natural, stochastic nature of the historical process and the indirect recognition of anthropogenesis as a derivative, secondary aspect of the formation of the Big Society, crowned

by the emergence of the state. Modern social science, remaining within the framework of the evolutionary paradigm and the basic provisions of the materialist understanding of history, is aloof from the real tasks facing society. As a way out of this state, the article discusses the transition to a new paradigm of scientific knowledge, which is formed on the basis of systemic, institutional, socio-cultural approaches, cybernetics, synergetics, etc. This transition, accompanied by the reworking and expansion of the empirical research base, updating the theoretical and methodological potential of social science and deconstructing the ideological myth about the USSR, can create the necessary conditions for a theoretically correct formulation of the issue on the historical fate of the Soviet Union and its scientific solution.

Keywords: spirit of science, human subjectivity, paradigm of social science, revolution, evolution, antiteleological attitude, time in history, human liberation from the power of the past, reflex of freedom, ethical beginning of history

For citation: Skorobogatskiy V.V. The Fate of the USSR: A Theoretical Mystery or an Ideological Myth? *Antinomies*, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 67-95. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/26867206_2023_23_4_67

Введение

Вопрос о возникновении СССР и его исторической судьбе занимает весьма скромное место в перечне актуальных проблем отечественного обществознания. Поводом для обращения к данной теме чаще всего служит приближение «круглой даты» со времени основания или распада. Тем не менее вышло немалое число статей и монографий, в которых, как правило, теоретический анализ сопровождается, а в ряде случаев предваряется и/или подменяется оценками этого исторического события. Их спектр предельно широк, но в целом укладывается в привычную «красно-белую» схему дизъюнкции – за или против. Поэтому складывается стойкое ощущение, что гражданская война, формально завершившаяся победой «красных», так и не закончилась, а ее основной фронт переместился в область идейного противостояния с неясными очертаниями целей и ценностей, которыми руководствуются борющиеся стороны. Либералы, государственники, патриоты-державники, евразийцы, монархисты – таков основной список идеологических программ. Но уже отчетливо видно, что с течением времени перевес оказывается на стороне тех, кто относится к распаду СССР отрицательно.

С нашей точки зрения, в рамках современного обществознания отсутствуют предпосылки и условия научного обсуждения данного вопроса по двум причинам. Во-первых, в силу того, что эмпирическая база исследований далека от требований полноты и достоверности; во-вторых, потому что отечественная социальная наука не готова к такому анализу с позиций теоретико-методологической «вооруженности». Трезвый взгляд на ее состояние позволяет утверждать, что необходимы многие десятилетия для того, чтобы сложился круг необходимых условий для научной постановки проблемы. Без такой предварительной работы решение вопроса об исторической судьбе СССР невозможно.

Поэтому более актуальной является другая задача – отталкиваясь от обсуждения вопроса об исторической судьбе СССР, провести анализ состояния социальной науки, выявить ее проблемные зоны, подрывающие («обнуляющие») теоретико-методологический потенциал и образующие непреодолимую границу между пространством науки и реальными процессами, а также наметить подход к решению проблемы СССР, точнее, определить ракурс, в котором она может быть сформулирована и представлена как последовательная цепочка шагов-задач.

Государство как «кумир» русской истории

Несмотря на видимую пестроту концептуальных подходов к решению этого вопроса, конечный ответ, как правило, предопределен незамысловатым мотивом, который в конце 1980-х гг. озвучил диссидент позднесоветского времени Э.В. Лимонов: «У нас была Великая Эпоха!». Как подчеркнул в предисловии сам автор одноименной повести, это ответ с точки зрения бытовой, взгляд «снизу»: «Эта книга – мой вариант Великой Эпохи. Мой взгляд на нее. Я пробился к нему сквозь навязанные мне чужие. Я уверен в моем взгляде. <...> Мой взгляд – не глазами жертвы эпохи, ни в коем случае не взгляд представителя интеллигентского класса, но из толпы народной. В известном смысле, мой вариант эпохи – фольклорный вариант. Книга документальна в том широком смысле, что вместе с подлинной историей моей простой семьи в ней сохранена и мифология того времени»¹.

К сходному выводу в одном из своих интервью, но уже с противоположного ракурса – точки зрения образованного сознания, пришел еще один диссидент-антисоветчик, А.А. Зиновьев: «План по развалу России возник в момент создания Советского Союза. Вся советская история была историей борьбы Запада против СССР. Для меня СССР – синоним слова “Россия”. Советская система – естественный продукт развития русского народа. Поэтому план развала СССР имел и имеет целью уничтожение русского народа. <...> ...Советская государственность была вершиной эволюции русской идеи – вершиной, по достижении которой начался спад. Советский период российской истории был естественным продолжением многовековой истории России. Все лучшее, чего достиг русский народ на протяжении своей истории, в советский период было сохранено и приумножено»². Разделял эти оценки происшедшего, в том числе конспирологическую интерпретацию случившегося как результата заговора против России/СССР со стороны «мировой закулисы», некоего всемирного масонского правительства, известный историк И.Я. Фроянов (Фроянов 2008: 567-576). Взгляд «сверху» оказался идентичным взгляду «снизу», и было ли это совпадение случайно-

¹ Лимонов Э. 1989. У нас была Великая Эпоха // Знамя: ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал. № 11. С. 4.

² Александр Зиновьев: Советская государственность была вершиной эволюции русской идеи // KM.RU. 24.11.2003. URL: <https://www.km.ru/glavnoe/2003/11/24/tribuna/aleksandr-zinovev-sovetskaya-gosudarstvennost-byla-vershinoi-evolyutsii-i> (дата обращения: 30.08.2023).

стью или следствием какой-то общей причины – загадка, приоткрывающая некую тайну эпохи, дающая ключ к ее пониманию или, скорее даже, к разоблачению.

Примечательно, что апология советского как единственного, то есть отвечающего некоему историческому закону, варианта русской истории XX столетия, характерная и для массового (обыденного), и для образованного сознания, сочетается (в соответствии с какой-то внутренней логикой) с признанием необходимости сталинизма как политической практики, использовавшей ничем не ограниченное, порой приобретающее массовые и чудовищные формы проявления насилие. Условием такого признания является вполне осознанное, принципиальное «разведение» истории и политики с одной стороны и морали с другой. Моральным нормам отводится ограниченная функция – регулировать поведение отдельных («частных») индивидов, быть частью человеческой повседневности, в то время как в сфере действия сверхиндивидуальных (макро)субъектов, в «большой» политике мораль как таковая отсутствует, ее место занимает расчет выгоды, «резон» для государства. История и политика для «государственно мыслящих» идеологов остаются областью внеморального или сверхморального. Поэтому политические цели определяются интересами государства. Да это, собственно, уже и не цели, которые можно обсуждать и по поводу которых можно было бы спорить, а безусловные повеления (требования) исторической действительности. А.А. Зиновьев говорил об этом прямо: «Цель оправдывает средства – это моральный принцип. А я говорю о реальности, а реальность живет совсем по другим законам. Моральными принципами руководствуются отдельные люди, и в особенности такие, которые сочиняют всякие книги про репрессии. Они после драки машут кулаками»³. Характерно, что и И.Я. Фроянов придерживается той же точки зрения, заявляя об исторической обусловленности самых чудовищных репрессий, их оправданности интересами общества и неподсудности «национально ориентированных» политических вождей (Фроянов 2008: 570).

Здесь явно чувствуется влияние Т. Гоббса: для обоих мыслителей нации-государства, укротив сообщества «естественных индивидов» с их абсолютной свободой и правом пускать в ход любые средства для достижения цели (а такой сверхцелью и сверхценностью в естественном состоянии является выживание), в отношениях с другими государствами сами ведут себя подобно гоббсовским индивидам, оставив нормы права и морали своим подданным. Государства как субъекты политического действия исходят из презумпции абсолютной свободы (суверенитета) и ничем не ограниченного права в выборе средств ее осуществления и защиты. Межгосударственные отношения, по существу, остаются в сфере действия законов естественного состояния, на дальних подступах к гражданскому состоянию, или цивилизации. Но и по отношению к гражданам (гражданскому обществу)

³ Интервью А.А. Зиновьева «Независимой газете», 30 ноября 2000 г. // Гуманитарный портал. 28.08.2006. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/2658> (дата обращения: 30.08.2023).

государство действует с позиции силы, ставит свои цели-императивы заведомо выше целей общества и составляющих его индивидов и социальных групп, придает целям государства статус безусловно должного, общеобязательного для всех и каждого: «...отправляя публичную власть, регулирующую поведение подданных, тот, кто управляет, в своих целях не ограничен» (Фуко 2010: 20). Такое государство ведет себя как завоеватель в собственной стране, даже если оно учреждается (согласно Гоббсу) в результате общественного договора.

В данном контексте понятие суверенитета расширяется, охватывая полномочия государства не только в деле организации и управления публичной сферой жизни общества, но и прямого контроля всех сторон гражданской жизни, вопреки тому обстоятельству, что она по определению является частной. Государство отождествляет себя с обществом в целом, со страной, причем огосударствление охватывает не только текущее время (настоящее), но и прошлое, вследствие чего история страны (людей⁴) превращается в историю государства. Впрочем, подобный взгляд на историю нашей страны – давняя традиция, закреплённая авторитетом Н.М. Карамзина. Одна из первых попыток ее критического осмысления принадлежит П.Я. Чаадаеву: его «Философические письма» стали реакцией на завершение «Истории Государства Российского»⁵. Чем это закончилось, известно: образованное общество, за небольшими исключениями, среди которых А.С. Пушкин, осудило его гораздо жестче, чем государственная власть.

Но поглощение государством общества, причем взятого на всем протяжении его истории, имеет еще одну грань – отождествление государства с государственностью. Такое отождествление представляет собой скрытый аргумент в пользу того, что советское государство – кульминационный момент отечественной истории XX в., ее закономерный итог, не имеющий достойной альтернативы. Иными словами, возникновение и существование СССР воплощает в себе историческую необходимость, а его распад является нарушением закономерности, своеобразным «выпадением» советского общества из прокрустова ложа, заданного объективными условиями и тенденциями национальной истории. Единственным объяснением этой исторической «аномалии» («катастрофы») становится ссылка на действие пресловутого субъективного фактора – во-первых, антироссийская политика враждебного окружения (Запад во главе с США); во-вторых, предательство национальных интересов правящими элитами и прозападно ориентированными вождями (М.С. Горбачев, Б.Н. Ельцин).

Разводя мораль и политику, исключая мораль из числа факторов исторического процесса и отводя ей место в сфере человеческой повседневности, А.А. Зиновьев и И.Я. Фроянов уравнивают тем самым законы биоло-

⁴ «Предметом истории является человек. Скажем точнее – люди. <...> За зримыми очертаниями пейзажа, орудий или машин, за самыми, казалось бы, сухими документами и институтами, совершенно отчужденными от тех, кто их учредил, историк хочет увидеть людей» (Блок 1973: 18).

⁵ Последний (двенадцатый) том вышел в свет в 1829 г.

гической и социальной эволюции, делая инстинкт выживания основным принципом исторического бытия, сводя человеческую и социальную экзистенцию к чистой биологии. Впрочем, в этом нет ничего нового, поскольку социал-дарвинизм укрепился в советском сознании с самого начала: поколения 1920–1930-х гг. выросли в духе этой «философии», поставившей в центр эпохи задачу бескомпромиссной борьбы – красных против белых, нового строя против старого, социализма против мирового империализма.

Дух бескомпромиссной борьбы вносил в советское пафос всемирности. Он воодушевлял красных в годы гражданской войны, которая была для них только первым шагом на пути в царство свободы. Все силы отдавались, как говорил один литературный персонаж, далеко перешагнувший рамки и книжного пространства, и своего времени, «самому прекрасному в мире – борьбе за освобождение человечества»⁶. Этот пафос сглаживал тяготы и придавал исторический масштаб будничной работе по «строительству социализма в одной, отдельно взятой стране» – сталинский лозунг, сменивший в 1930-е гг. идею В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого о мировой революции.

Сам этот дух борьбы был отнюдь не узкоместным, российско-советским явлением, таков был дух времени. Научно-технический прогресс в индустриальном обществе, достигшем своего полного развертывания, породил средства уничтожения невиданной ранее мощи и в сочетании со своеволием государства-завоевателя, унаследовавшего менталитет абсолютной монархии гоббсовского времени, стал одним из факторов развязывания Первой мировой войны, самой массовой и разрушительной в истории. Но даже ее опыт ничего не изменил в поведении государств и политическом мышлении правящих элит. Характеризуя состояние Европы в после(меж)военный период, У. Черчилль отмечал: «Угроза войны все еще не исчезла из мира. Старинная вражда исчезла, но барабанный бой новых международных конфликтов уже звучит в воздухе. <...> Над широкими равнинами восточной и центральной Европы с их многочисленными новыми и высоконационалистическими государствами еще витают оскорбленные тени Петра и Фридриха Великого, и память тех войн, которые они вели, еще жива. Россия, сама превратившая себя в изгоя среди народов, точит штыки во мраке арктической ночи и механически провозглашает вновь и вновь философию ненависти и смерти» (Черчилль 1932: 316).

Надо сказать, что и после Второй мировой войны ситуация изменилась несущественно. Опыт пережитой трагедии вынудил государства к внесению корректив в политику, но не к радикальному пересмотру ее приоритетов. Современное государство остается тем, что самоопределяется лишь в соотношении с другими. «Государство – это особая и дисконтинуальная реальность. Государство существует только само по себе и для себя самого, оно существует только как множественность... <...> Государство существует только как государства, во множественном числе» (Фуко 2010: 17). А это значит, что нации-государства по-прежнему рассматривают себя в качестве

⁶ Островский Н.А. 1986. Как закалялась сталь // Дмитрий Фурманов, Николай Островский. Москва : Детская литература. С. 448.

самостоятельных игроков на международной сцене, которые в одиночку и стаями (коалициями и союзами) ведут борьбу за выгодные условия существования.

И. Кант, который во взгляде на человека и историю был ближе скорее к позиции Т. Гоббса⁷, нежели Дж. Локка, называл такого рода межгосударственные отношения «антагонизмом», или «недоброжелательной общительностью» (Кант 1994: 16). Но, в отличие от А.А. Зиновьева и И.Я. Фроянова, он видел пути к преодолению эгоистического своеволия государства и обретению им правового характера (Кант 1994: 21-23), а в перспективе – возможность вечного мира. Может показаться странным, но корень решения этой проблемы он находил не в государстве, а в обществе: чтобы требовать от государства быть правовым, правовым должно стать само общество (Алексеев 1998: 11-12, 20, 27). Только достигнув состояния всеобщего правового общества, человеческий род смог бы взять под свой контроль деятельность государств. А до этого, «на той ступени культуры, на которой человечество еще стоит, война является неизбежным средством, способствующим его прогрессу, и только (Бог ведает когда) при достижении нами наивысшего предела последнего, постоянный мир мог бы быть для нас благодетелем, и только при этом условии он был бы единственно возможен» (Кант 1980: 57).

Социальная наука в духе «сайенс»

Следует признать, что взгляды А.А. Зиновьева и И.Я. Фроянова не являются чем-то исключительным. Напротив, они вполне отвечают внутреннему строю социальной науки, ее духу, который мы будем называть «сайенс». В ее основе лежит идущая от Ф. Бэкона и его наукоучения установка на исключение человеческой субъективности из предметного поля и методологии познания. Критика «идолов» сознания завершается тем, что подлинным, настоящим исследователем, субъектом познания объявляется научный опыт⁸ – своего рода техническое устройство, познающая машина. Субъективность, то есть активное, действующее начало, допускается в мире «сайенс» только в машинообразном виде. Человеку же отводится роль оператора при этой машине, он всего лишь одно из условий (хотя и очень важное) возможности ее работы (действия).

Сконструированная посредством разума и на основе определенных правил машина – такова та «чистая практика порядка и его способов бытия», которая опосредствует отношение между культурными (упорядочивающими) кодами, определяющими схемы человеческого восприятия и

⁷ «История природы... начинается с добра, ибо она произведение Божье; история свободы – со зла, ибо она дело рук человеческих» (Кант 1980: 50).

⁸ «Мы говорим о тех опытах, которые разумно и в соответствии с правилами придуманы и приспособлены для постижения предмета исследования. <...> Непосредственному восприятию чувств самому по себе мы не придаем много значения, но приводим дело к тому, чтобы первые судили только об опыте, а опыт о самом предмете» (Бэкон 1972: 76-77).

действия, с одной стороны и философскими интерпретациями (методологическими концепциями) онтологических оснований возможности научного познания с другой (Фуко 1994: 33-34). Начало возникновения порядка-машины относится к XVII в., а более или менее полное развертывание его архитектуры, включая становление базовых принципов науки-«сайенс», произошло в середине – второй половине XIX в., после того, как на рубеже XVIII–XIX столетий «существенно изменился способ бытия вещей и порядка, который, распределяя их, предоставляет их знанию» (Фуко 1994: 35), и сложился современный образ человека (Фуко 1994: 36). Иными словами, в первой половине XIX в. машина познания классической эпохи Нового времени (XVII–XVIII вв.) переживала период реконструкции. И одной из линий этой реконструкции стало формирование социальной науки, которая в полной мере впитала в себя ту настороженность по отношению к человеческому, которая была характерна для «сайенс».

Решающий вклад в формирование парадигматических оснований социальной науки, сохраняющих свое воздействие на нее до настоящего времени, принадлежит не физике, а биологии, в первую очередь разработанной Ч. Дарвином теории эволюции. Ф. Энгельс, который уделял много внимания обоснованию монистически-материалистического взгляда на историю, одним из первых оценил значение дарвиновского открытия (Энгельс 1961: 304) для приспособления принципов науки-«сайенс» к исследованию процессов развития в органической материи, взятой теперь уже на ее высшей ступени – в обществе. Дарвиновский подход сделал вполне проницаемой границу между высшими животными и человеком и позволил экстраполировать ряд выводов теории эволюции на человеческую историю. Выпускники философской школы Гегеля, твердо усвоившие ключевые положения «Феноменологии духа» – о субстанциальности субъекта познания⁹, о системном характере познания, ведущего к истине¹⁰, об образовании индивида, посредством которого (образования) «эта субстанция сообщает себе свое самосознание, т.е. порождает свое становление и свою рефлексию в себя» (Гегель 1994: 15), используя индивида как агента, способного придавать наличествующему в субстанции содержанию форму понятия¹¹, – быстрее и четче других осознали теоретико-методологический потенциал теории эволюции как последнего слова современной им положительной науки, в которой (в неясной пока перспективе) должно раствориться теоретическое содержание философии, до поры до времени сохраняющей остаточное (гносеологическое) значение¹².

⁹ «...Все дело в том, чтобы понять и выразить истинное не как *субстанцию* только, но равным образом и как *субъект*» (Гегель 1994: 9).

¹⁰ «Истинной формой, в которой существует истина, может быть лишь научная система ее» (Гегель 1994: 5).

¹¹ «Содержание есть *достояние* субстанции как нечто, что уже *было в мысли*; нужно только это в-себе [-бытие]... обратить в форму *для-себя-бытия*» (Гегель 1994: 16).

¹² «За философией, изгнанной из природы и из истории, остается, таким образом, еще только царство чистой мысли, поскольку оно еще остается: учение о законах самого процесса мышления, логика и диалектика» (Энгельс 1961: 316).

К. Маркс в своем письме Ф. Лассалю очертил предпосланную теории эволюции смысловую установку: «Очень значительна работа Дарвина, она годится мне как естественнонаучная основа понимания исторической борьбы классов. <...> Здесь впервые нанесен смертельный удар “телеологии” в естествознании» (Маркс 1963: 475). И речь идет не только об устранении идеи Бога из позитивной науки¹³, но об устранении из социальной науки идеи человека как конечной цели исторического процесса¹⁴. Энгельс, расшифровывая теоретико-методологическое содержание антитеологической установки, говорил о том, что материалистическое понимание истории исходит из отрицания *всяких* заранее поставленных целей в истории, поскольку последняя природоподобна, имеет характер стохастического процесса: на ее поверхности господствует случайность, тогда как в глубине действуют скрытые законы, которые необходимо открыть (Энгельс 1961: 305). Впрочем, что тут сказано нового по сравнению с Гегелем? Отсылка к экономическому фактору, являющаяся таким же метатеоретическим допущением, что и гегелевское положение о субстанциальности духа?

Т. Кун, отмечая революционный для науки середины XIX в. характер дарвиновского подхода¹⁵, вместе с тем показал, что с течением времени антитеологическая установка утвердилась в качестве парадигматической для науки XX столетия (Кун 2003: 222-223). Следовательно, выводы, сделанные Марксом и Энгельсом под влиянием теории эволюции Дарвина и укрепившие теоретико-методологические основания материалистического понимания истории, были вполне созвучны духу социальной науки, которая активно формировалась в Европе в середине и второй половине XIX в. В этом плане Ленин был совершенно прав, утверждая, что марксизм – это не маргинальное учение, что он возник на пересечении идейных течений, сложившихся в наиболее передовых странах (Германия, Англия, Франция), в общем русле становления социальной науки того времени: «История философии и история социальной науки показывают с полной ясностью, что в марксизме нет ничего похожего на “сектантство” в смысле какого-то замкнутого, застенелого учения, возникшего в *стороне* от столбовой дороги развития мировой цивилизации. Напротив... он (Маркс. – В.С.) дал ответы на вопросы, которые передовая общественная мысль уже поставила.

¹³ Об этом прямо заявил в свое время П.-С. Лаплас в диалоге с Наполеоном: «Сир, я не нуждался в этой гипотезе».

¹⁴ Эту зависимость между известием о смерти Бога и вытекающим отсюда выводом, что человек, скомпрометированный открытием его генетического родства с животными, должен уступить свое место сверхчеловеку, озвучил Ф. Ницше, давший новое толкование первородного греха, но уже на основе последних открытий естествознания.

¹⁵ «...Опровержение эволюции такого телеологического типа было наиболее значительным и наименее принятым из предложений Дарвина. “Происхождение видов” не признавало никакой цели, установленной Богом или природой. <...> Что могли означать понятия “эволюция”, “развитие” и “прогресс” при отсутствии определенной цели? Для многих такие термины казались самопротиворечивыми» (Кун 2003: 21).

Его учение возникло как прямое и непосредственное *продолжение* учения величайших представителей философии, политической экономики и социализма» (Ленин 1973: 40)¹⁶.

Антителеологическая установка, получив парадигматический характер, сохраняет доминирующее положение в российском общественном сознании. Косвенное следствие этого – второе дыхание, которое получает материалистическое понимание истории, но теперь уже без Маркса, а высказываемое будто бы от лица современной социальной науки. Базовый концепт новой (постмарксистской) редакции исторического материализма – «глобальный эволюционизм, проясняющий, как возникает и протекает упорядоченное и направленное развитие» (Ильин, Ахиезер 1997: 16). Но заявленная глобальность и расширение эволюционного подхода предполагают распространение его положений исключительно на сферу физической реальности. Для этого привлекаются выводы ряда дисциплин – квантовой геометродинамики, обобщенной теории вектора (Ильин, Ахиезер 1997: 16). Что же касается области исторического развития, то на этом фронте, как писал Э.М. Ремарк, без перемен. Напротив, авторы цитируемой работы подчеркивают: «...мы являемся последовательными, убежденными сторонниками естественно-исторического монизма. История едина: ее унитарность – в объективно-эволюционном возникновении. <...> Сверхъестественное наделяет смыслом, означает нечто лишь для субъекта, потерявшего вкус к разуму» (Ильин, Ахиезер 1997: 18).

Острие данного критического замечания направлено против К. Ясперса, выдвинувшего положение, что становление человека было нелинейным и многоступенчатым процессом, когда «человек четыре раза как бы отправляется от *новой основы*» (Ясперс 1991: 53). Этапами этого процесса были: 1) «темные глубины доистории» (первобытность как время чисто природного человеческого существования); 2) время великих древних культур (мифологическая эпоха); 3) осевое время; 4) XX столетие, век науки и техники (Ясперс 1991: 53-54). Точка перелома, по мнению К. Ясперса, – осевое время, когда появляется *подлинный человек*, который стремится к освобождению и спасению: «...человек выходит за пределы своего индивидуального существования, сознавая свое место в целостности бытия... он вступает на путь, пройти который он должен в качестве этой индивидуальности. <...> В осевое время произошло открытие того, что позже стало называться разумом и личностью» (Ясперс 1991: 34-35). Возникающий в этих условиях духовный мир становится одной из направляющих сил исторического процесса, генерирует напряжение, которое «продолжает оказывать свое воздействие на людей, придавая их деятельности новую неопределенность и новое значение» (Ясперс 1991: 37). Иными словами, воздействие так называемых материальных условий прошлого на настоящее не является определяющим, оставляя не только возможность свободы, но и выбора целей и направления – всего того, что можно было бы назвать детерминацией от будущего. Данный порядок де-

¹⁶См. также: (Ленин 1969а: 50).

терминации приводит к решающему изменению характера исторического процесса. Последний приобретает системность и становится всемирным: «...до сих пор вообще не было мировой истории, а был только конгломерат локальных историй» (Ясперс 1991: 52).

Усматривая в размышлениях Ясперса телеологический (=идеалистический) подход и подвергая его резкой критике («субъект, потерявший вкус к разуму»), В.В. Ильин и А.С. Ахиезер придерживаются учения Ч. Дарвина. Отказ от идеи изначальной направленности эволюции на человека (в соответствии с замыслом Творца), составляющий существенную черту именно дарвиновской концепции, они называют отказом от ортогенеза, телеологии, отрицанием целенаправленного характера биологической эволюции, оставаясь в теоретико-методологическом пространстве материалистического понимания истории. Поэтому, несмотря на громкие заявления о *глобальном* эволюционизме, происходит всего лишь осовременивание с помощью новых естественно-научных теорий и подходов концепции антропосоциогенеза Энгельса, вполне отвечающей положениям дарвиновской теории биологической эволюции. Вносимые в нее уточнения затрагивают вопросы орудийной деятельности животных и механизмов становления социальности как ведущего (с точки зрения авторов) процесса в структуре антропосоциогенеза (Ильин, Ахиезер 1997: 19-23).

Формирование человека при таком подходе рассматривается как нечто сопутствующее, как момент (функция) становления социального как системы. Пространство собственно человеческого развития характеризуется как «малая социальность» – область, где господствует *эгоистическая индивидоцентричная логика персонального участия, действия*. Ей противопоставлено «большая социальность» – сфера доминирования социальных институтов и *коллективистической логики вовлечения, совместности, взаимодействия*. Из становления социального как системы, которое направляет и фундирует антропогенез, выводится необходимость возникновения государственности, а ее корни – *предгосударственность* – усматриваются в формировании социальных институтов в конце первобытности (Ильин, Ахиезер 1997: 30). Появление социальных институтов в данном случае – событие, открывающее перспективу развития социального на собственной основе; развития, для которого человек (люди) является субстратом, «материалом».

А это означает, что проблема человека, осуществления его прав и свобод остается чем-то отвлеченным и малозначащим не только для социальной науки, но и для практики государственного управления, для законодательства и судопроизводства, для среднестатистического (массового) человека. Свой пафос и назначение нарождающийся постмарксизм – марксизм без Маркса, его отечественная версия, шаг за шагом реанимирующая духовное и политическое наследие И.В. Сталина, – находит в критике либерализма и Запада как социальной и политической системы. Критике все более агрессивной и получающей статус признанной государством и обществом идеологии.

Метаморфозы «сайенс» в «заколдованном» мире советского

Возникшая в русле движения «сайенс» социальная наука, опирающаяся к тому же на биологизаторско-эволюционную парадигму, отстаивает первенство социальной линии истории над ее человеческой составляющей. Смысловой центр – государство как квинтэссенция исторического процесса, его альфа и омега. Государство способствует формированию человеческого в той мере и в том виде, в каких это необходимо для упрочения верховного положения государства, его доминирования над обществом. Дух «сайенс» являлся одним из инструментов реализации патримониально-попечительской политики полицеизма, хотя неявно заключал в себе и противоположную тенденцию, готовил предпосылки для «опровержения» государства, порождая *сомнение* в его абсолютной роли в развитии общества и человека. Так возникает идея избыточности государства и связанная с этим необходимость его *самоминимизации*. Этим одновременно минимизируются предпосылки революции как чрезвычайно затратного и неэффективного способа пересмотра договора между государством и обществом, предполагающего ставку на широкое применение насилия. Пример такой социальной и политической стабильности в течение уже более трех столетий демонстрирует Англия.

Принцип сомнения становится для новоевропейского мышления со времен Декарта архимедовым рычагом, посредством которого переосмысливается сложившаяся еще в античности и средневековье трактовка субъекта как субстанции-основы. Вместо формального носителя свойств (S есть P) появляется субъективность – Я, которое не просто мыслит, но для которого акт мышления (*cogito*) совпадает с существованием, имеет онтологический смысл. Процесс этот долгий и завершается лишь у Гегеля, который, с одной стороны, возвращает субъекту статус субстанции, с другой – погружает субъективное в область истинного, ставит возможность достижения истинного знания в прямую зависимость от субъективного. В процессе этого переосмысления субъективности совершается подспудная и пошаговая реабилитация человека как индивида, наделенного на ступени цивилизации политическими и гражданскими правами и свободами, обладающего автономией. Под последней понимается не просто способность к самозаконодательству: для автономного индивида критическое отношение к наличному государству становится способом самоопределения, осознания свободы (гражданских и политических свобод) как права, признанного государством и обществом и имеющего субстанциально более высокий источник, чем государство. Но для этого государство должно быть готово самым серьезным образом пересмотреть свое историческое назначение в условиях современности и признать общеобязательность истины и закона, свою подчиненность этим основополагающим принципам (ценностям).

Все это в исторической перспективе. В своем же классическом (бэконовском) выражении дух «сайенс» исключает человеческое из порядка, оставляя от него только то, что вписывается в рамки заданного строя вещей – природное (биологическое) тело человека, его потребности. «Сайенс»

предполагает необходимость переработки природного субстрата человеческого, как и всякого другого сырья, для последующего использования. Сама социальность рассматривается как способ совместного бытия конечных продуктов этой переработки – людей, «очищенных» от всего субъективного и произвольного; «разумных эгоистов», руководствующихся в своих целях стремлением к пользе и расчетом выгод. В этот период складываются системы воспитания и образования, которые представляют собой (в соответствии с духом «сайенс») социально-технические устройства для переработки природного, «естественного» человека в соответствии с условиями и требованиями, которые вносит в общественные процессы новый порядок (машина). Цель переработки «естественного» человека (сырья новой социальности) – формирование политического тела власти, получающего иную по сравнению с монархическим устройством материализацию – в виде общества, которое проходит процедуры «обеззараживания», медицинские, административные и др. (Фуко 2002: 161). Обществу, устроенному в соответствии с порядком-машиной, соответствовал республиканско-демократический принцип властвования, получавший различные модификации в зависимости от конкретно-исторических условий, культурно-политической традиции, характера задач, стоящих перед обществом, и подручных технологий их решения.

С этой точки зрения репрессии сталинского периода внешне напоминали биополитику, о которой говорил М. Фуко. Они выполняли функционально сходную задачу «очистки» послереволюционного российского общества, производства политического тела советской власти. «...Еще и до всякой Гражданской войны увиделось, что Россия в таком составе населения, как она есть, ни в какой социализм, конечно, не годится, что она вся загажена»¹⁷. В процессе социальной санации были задействованы факторы различного вида – экономические, политические, культурные¹⁸, но доминировали насильственные средства – раскулачивание, массовые переселения, ограничения прав и свобод, ссылки, показательные театрализованные процессы, завершающиеся публично оглашаемыми смертными приговорами, и, наконец, лагеря, быстро разросшиеся в особый мир – «архипелаг ГУЛАГ». В позднесоветское время к ним добавились психбольницы. «Очистка» стала регулярной процедурой¹⁹, составной частью социалистического строительства, причем одной из важнейших его частей. Она решала задачи не только социальные, политические и идеологические,

¹⁷ Солженицын А.И. 2011. Архипелаг ГУЛАГ. Полное издание в одном томе. Москва : Альфа-книга. С. 31.

¹⁸ В 1930-е гг. наряду с индустриализацией и коллективизацией активно развивается «социалистическая культура» – машина духовного производства, фабрика по массовому изготовлению нового человека. Ее цехами стали системы образования (дошкольного, начального, среднего и высшего) и идеологического воспитания, массовой пропаганды, а также традиционные виды искусства (кино, театр, литература, живопись, музыка), которые могли легально существовать только в организационных формах «творческих союзов».

¹⁹ Солженицын А.И. 2011. Архипелаг ГУЛАГ. С. 30-31.

но и экономические²⁰, сближая сталинский Советский Союз с обществом «Утопии» Т. Мора.

Эта «оздоровительная работа» (термин А.И. Солженицына) принципиально отличается от новоевропейской версии производства политического тела на Западе периода индустриализации. Смысловым стержнем биополитики, раскрывающим ее назначение, является либерализм, понятый не как идеологическая программа, но как способ управления, заключающий в себе внутреннюю установку на самоограничение государственного интереса, на сокращение государственного вмешательства в дела общества (Фуко 2010: 36).

Справедливости ради надо отметить, что в статье «Как организовать соревнование?» Ленин, говоря об острой необходимости преодолеть сопротивление делу социализма со стороны определенных социальных групп средствами военного подавления, тюремного заключения и принудительных работ (Ленин 1969b: 197, 204), тем не менее ставил задачу перехода к мерам иного характера – организационным и экономическим (Ленин 1969b: 197-199). В центре его внимания – организация *широкого, массового* соревнования. Оно должно было выявить таланты и развернуть способности людей труда, «которые капитализм мял, давил, душил тысячами и миллионами» (Ленин 1969b: 194). И это та «мелочь» в стратегии строительства социализма, которую предпочитают не замечать нынешние апологеты Сталина и которая, на наш взгляд, определяет принципиальные различия между Сталиным и Лениным в подходах к вопросу об исторических сроках и перспективах социализма в России.

Дух «сайенс» в советской России был взят в том его выражении, какое он получил в XVII–XVIII вв., пройдя идейную обработку в атмосфере французского Просвещения с его установкой на революцию, посредством которой разум очищает историю от наследия «темного» средневековья и открывает путь в царство свободы. Существовало два пути его реализации в послереволюционную эпоху. Первый – эволюционный: недоверие к человеческому как «материалу» истории и вытекающее отсюда требование «очистки» общества сопрягались с недоверием к государству, которое согласно классическому представлению марксизма должно было отмереть после революции. Сохраняющееся в переходную эпоху государство, менее всего изменившееся в годы революции и гражданской войны, несло с собой угрозу бюрократизации²¹ – выхода государственного аппарата как инструмента управления из-под контроля политического разума, носителем которого была партия.

Ленинское «Письмо к съезду» – апелляция к коллективному разуму партии, где в подтексте лежала критическая оценка человеческих качеств вождей, и эти качества в зеркале текущей политики вовсе не выглядели «ничтожными мелочами» (Ленин 1970a: 344-346). Расширение ЦК (до 75–100 членов) за счет привлечения в его состав рабочих и крестьян (Ленин

²⁰ Там же. С. 735-736.

²¹ «Дела с госаппаратом у нас до такой степени печальны, чтобы не сказать отвратительны...» (Ленин 1970d: 390).

1970с: 384) должно было уменьшить зависимость качества политического управления от психологических характеристик «рулевых». Но все это – лишь полумеры. Стратегическое же решение вопроса, согласно Ленину, предполагало работу по преодолению цивилизационной отсталости страны²², переход от применения принуждения и прямого насилия к мирной работе по повышению уровня культуры²⁵ и формированию институционального порядка, отвечающего требованиям современной цивилизации («буржуазной культуры»).

Второй путь – перманентная революция²⁴. Это политический курс, в рамках которого недоверие к человеческому дополняется верой в историческую («сверхчеловеческую») силу государства, но государства особого рода – диктатуры пролетариата. Именно государство, а не партия становится формой политической организации пролетариата и, соответственно, носителем политического разума. Государство диктатуры пролетариата получило у Сталина значение силы, непрерывно революционизирующей общество. «...Бесклассовое общество не может притти в порядке... самотека. Его надо завоевать и построить усилиями всех трудящихся – путем усиления органов диктатуры пролетариата, путем развертывания классовой борьбы, путем уничтожения классов, путем ликвидации остатков капиталистических классов, в боях с врагами как внутренними, так и внешними» (Сталин 1947: 467). Это государство – завоеватель в собственной стране – уже в новую эпоху становится машиной для генеральной «зачистки» общества снизу доверху, включая послереволюционные институты и организации как недостаточно революционные (Жижек 2010: 181). Революция сверху, проводимая государством-завоевателем, предполагала тотальную зачистку. Она затрагивала не только враждебные (буржуазные) и «отсталые» (мелкобуржуазные) слои населения, но все без исключения советские, хозяйственные и военные структуры. Даже партия утратила былую исключительность²⁵ и

²² «...Мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм. Эта коренная перемена состоит в том, что раньше мы центр тяжести клали и должны были класть на политическую борьбу, революцию, завоевание власти и т.д. Теперь же центр тяжести меняется до того, что переносится на мирную организационную “культурную” работу» (Ленин 1970b: 376).

²³ «Именно о культуре ставлю я здесь вопрос, потому что в этих делах достигнутым надо считать только то, что вошло в культуру, в быт, в привычки. А у нас, можно сказать, хорошее в социальном устройстве до последней степени не продумано, не понято, не прочувствовано, схвачено наспех, не проверено, не испытано, не подтверждено опытом, не закреплено и т. д.» (Ленин 1970d: 390).

²⁴ «Поскольку среди большевиков считалось, что высшей заслугой Ленина стал Октябрь, а Октябрь знаменует собой революционный переход к новому строю, перед Сталиным неизбежно встала следующая грандиозная задача в повестке дня большевизма – строительство социализма в Советской России революционными методами. Сталин поэтому задумал... свой собственный Октябрь. <...> Чтобы утвердить себя таким Лениным, Сталин должен вести Советское государство к строительству социализма революционным путем» (Такер 2006: 336, 377).

²⁵ «Партию нельзя рассматривать, как нечто оторванное от окружающих людей. Она живет и подвигается внутри окружающей ее среды. Неудивительно, что в

попала в сферу контроля и надзора со стороны «органов диктатуры пролетариата». Так насилие, став перманентным, переросло в террор. Развивая тему, намеченную в гетевском эпиграфе к «Фаусту», можно сказать, что такое государство – часть силы, которая вечно желает добра и постоянно творит зло. Ибо главное оружие перманентной революции – насилие во всех его формах; ничем не ограниченное его применение оправдывается высшим назначением советского государства.

Страна пошла по второму пути, и это был не выбор Сталина, но выбор масс, который Сталин использовал для продвижения своей «генеральной линии». И мы до сих пор не в состоянии признать моральную вину народа и каждого из нас, потомков, за этот выбор. После смерти Сталина вместо покаяния страна увидела в 1956 г. и приняла процедуру персонификации и демонизации зла под флагом критики «культ личности». Ее продуктом стало формирование идеологического симулякра – мифического образа героя с обратным знаком, сатаны в человеческом облике²⁶. Сталин был назван единственным источником зла, десятки лет творившегося в стране, а ее жители – все до одного, кроме некоторых прислужников дьявола, таких как Л.П. Берия и В.С. Абакумов, объявлялись жертвами. А кто же тогда требовал немедленной казни бывших героев революции, вдруг ставших изменниками родины и агентами всех мыслимых разведок, на многотысячных собраниях трудовых коллективов, валом прокатывавшихся по стране вслед за оглашением очередного приговора? Кто, в конце концов, написал четыре миллиона доносов?²⁷ Может ли отдельный человек, даже обладающий абсолютной властью, или социальная группа, или политическая организация быть исключительным носителем социального насилия, системного по своей природе? Ни Сталин, ни номенклатура, ни ВКП(б) не исчерпывают перечня его творцов, их список гораздо шире: это те, кто активно участвовал в осуществлении разного рода репрессивных мероприятий, от арестов до проработок на собраниях; те, кто считал происходящее нормальным, хотя и не свободным от некоторых эксцессов; те, кто был против, но молчал. Степени причастности ко злу или непротивления ему многообразны и в равной мере подлежат моральной оценке.

Следствием этого выбора стал культ государства, центральный в структуре обрядов и символов политической религии, кото-

партию проникают нередко извне нездоровые настроения. А почва для таких настроений несомненно имеется в нашей стране» (Сталин 1947: 466).

²⁶ Иной взгляд на тирана как среднего человека, мало отличимого от «массы», мы находим у И.А. Бродского: «...настоящие тираны обычно застенчивы и вообще ужасно скучны в быту. <...> Жужжащая скука программы партии, серый, неприметный вид ее вождей привлекает массы как собственное отражение. В эпоху перенаселенности зло (равно как и добро) так же посредственны, как и их субъекты. Хочешь быть тираном – будь скучен» (Бродский 1999: 86-87). И о «среднем» стороннике вождя из «массы»: «...чтобы вступить в единственную существующую партию, надо обладать более чем средним запасом бесчестности» (Бродский 1999: 88).

²⁷ Вопрос С.Д. Довлатова. См.: Довлатов С. 2014. Зона // Довлатов С. Заповедник и другие истории. Санкт-Петербург : Азбука. С. 113.

рая под именем советского патриотизма укрепилась в течение 1930-х гг. в массовом сознании. И не только в результате систематической работы культурно-идеологической машины, но и под воздействием внутренних факторов. Социальный страх, системное насилие, политический дискурс, идеологизированный язык культуры и образования – все это, несомненно, способствовало возникновению светской религии, которая так или иначе примиряла массового индивида с окружающей его действительностью, позволяла обрести идентичность и укорененность в этой среде. Но эта работа фабрики по производству советского человека не имела бы должной эффективности, если бы не опиралась на встречное движение – стремление индивида к деиндивидуации, слиянию с другими в поисках «теплого» (в смысле Ф. Тённиса) сообщества (нем. *Gemeinschaft*), напоминавшего кровно-родственный коллектив эпохи мифа. В таком коллективе индивид мог бы не просто найти надежное убежище от разных форм насилия, но стать в этом мире «своим», обрести «законное» место в бытии. Тяга к мифу – форме жизни, в которой совпадают, обретают смысловую тождественность вещь, слово и действие, в которой исчезает противоположность субъекта и объекта, индивидуального и родового²⁸, – становится базовой тенденцией в человеческом бытии эпохи сталинской «второй большевистской», настоящей революции, идущей до конца. И совсем не случайно, что в это же время появляются работы А.Ф. Лосева и О.М. Фрейденберг, закладываются основы научной школы мифологии и древних литератур (С.С. Аверинцев, М.Л. Гаспаров, Вяч.Вс. Иванов, Е.М. Мелетинский, М.И. Стеблин-Каменский, В.Н. Топоров), занимавшей ведущее место в области гуманитарных исследований того времени. Поле исследования мифа стало теоретическим прибежищем для научных направлений, оказавшихся в положении маргиналов по отношению к основной тематике социальной науки.

Тяга к регенерации мифа была обусловлена как минимум двумя факторами. Во-первых, систематическим подавлением государством диктатуры пролетариата «рефлекса свободы», который, согласно И.П. Павлову, присущ человеку от рождения (Павлов 1999а: 90; Павлов 1999б: 99). Во-вторых, недоверием «русского ума» к сигналам первого порядка (вещам) и, соответственно, предпочтением сигналов второго порядка (слов) (Павлов 1999б: 96-98). Доминирование сигналов-слов в структуре нарождающегося мифа придавало ему идеологический характер, позволяло встроить миф, а значит, жизнь людей, повседневную и трудовую, в новую действительность, отказавшую в доверии истине. Человек, свобода, истина – все эти вещи стали ненужными, а зачастую просто опасными. Благодаря сцеплению внешних, со стороны государства идущих, и внутренних факторов был запущен процесс «заколдовывания» мира, его идеологической ремифологизации/

²⁸ В мифе «...вещь, слово и действие представляются тождественными, а объект слит с субъектом; время продолжает восприниматься пространственно, а причинность при всей ее антикаузальности принимает характер круга, каждая часть которого может служить и причиной, и следствием, смотря по месту расположения. <...> Вещь... слита с космосом и тварью» (Фрейденберг 1978: 77).

советизации. В русле этого процесса культурную легитимацию получила социальная наука, в поле зрения которой находилось исключительно макросоциальное и макроисторическое. Все связанное с «человеческим» и его производными (мораль, право, свобода, субъективное, индивидуальное) либо исключалось из институционализированной науки, либо получало интерпретацию в духе «сайенс» – как относящееся к области надстройки и детерминированное в своем существовании и развитии экономическим базисом. Воплощением идеологической институционализации социальной науки стала так называемая культура партийности, выполнявшая функции самоцензуры и саморегулирования деятельности научного сообщества (Гордон 2009). Она дополняла и укрепляла парадигматические основы науки, способствовала консервации ее языка и тематического пространства, а также аксиоматизации (а по сути, догматизации) ключевых категорий классического марксизма. Они получали характер метаметодологии, являлись теоретико-методологическими ориентирами и регуляторами, обязательными для любого научного исследования, и были, по существу, трансцендентальными условиями возможности научного, да и любого другого опыта.

На пути к новой парадигме социальной науки

«Заколдовывание» мира означало в первую очередь форсированное формирование идеологического мифа как ценностно-семантического ядра, генерирующего становление новой действительности – советского (Скоробогачкий 2021: 21). В строении этого ядра можно выделить два плана – внутренний и внешний. Внутренний образует Октябрь как символ *последней революции*, доходящей до конца и перелицовывающей «неправильную» историю, сбившуюся с пути в самом ее начале, когда возник феномен частной собственности и все производное от него историческое зло, представленное в трактатах Ж.-Ж. Руссо как оборотная сторона цивилизации. Внешний план – государство, которое, по существу, играет роль главного инструмента революционного очищения и преобразования общества и человека и основанием легитимности которого является Октябрь. В качестве соединяющей их скрепы, меняющейся в зависимости от исторической конъюнктуры и функционального (политического) назначения, выступают различные идеологемы – вождь, партия, победа (с 1965 г.). Это культовые объекты «политической религии», организующие и направляющие ритуальные действия «посвященных» и массовые религиозные практики «профанов» (рядовых граждан). Таким был, например, парад Победы на Красной площади, в самом центре столицы *нового мира* – ежегодно воспроизводимый пролог к окончательной победе революции в мировом масштабе.

Ядро идеологического мифа было окружено периферией – рационализированными («правильными») формами социального поведения и технологиями деятельности различного масштаба, от повседневной до производственной и научной. Как и во всяком индустриальном обществе,

здесь на переднем плане находятся техника и задачи ее совершенствования (научно-технический прогресс). Но наличие техники, сколь бы современной она ни была, не меняет сути мифического отношения советского человека к действительности. Степень его рационализации по мере индустриализации («технизации») всех сторон жизни, включая быт и общение, никогда не переступала черты, за которой начиналась секуляризация, поскольку была принципиально ограничена магическим истолкованием техники²⁹ как способа господства, обретения власти, полноты бытия. Собственно потребительские качества техники отступали при этом на второй план. Культ техники и научно-технического прогресса проявлялся, в частности, в стремлении широких масс к образованию, особенно высшему, но целью было не обретение знаний и рост культурного и профессионального потенциала человека, а возможность войти в круг «посвященных», приобщиться к магической субстанции государственной власти. Образованный класс в основной своей массе был «образованщиной», о которой писал А.И. Солженицын. «Советская и постсоветская интеллигенция – не элита. <...> Это массовая бюрократия, кадровое обеспечение подсистем воспроизводства рутинизирующегося постреволюционного тоталитарного общества» (Гудков, Дубин 2009: 5). Именно ее усилиями обеспечивалась и обеспечивается циркуляция социального знания сверху вниз, поддерживается смысловая однородность и единство культурного пространства, охватывающего образованное и массовое сознание.

Таким образом, смыслонесущими и направляющими стержнями доминировавшего в отечественной социальной науке революционно-диалектического дискурса стали две идеологемы – «государство» и «революция». Они предстают в двуедином облике уникального в своем роде исторического образования – советского государства как творческой силы, непрерывно революционирующей все сущее и прокладывающей дорогу в новый мир, возвещенный Октябрем. Поэтому распад СССР и для образованного, и для массового сознания выступает как глобальная геополитическая катастрофа, как прерывание исторического процесса, чреватое утратой не только основ, но и корней (традиции) существования нации. Он воспринимается как распад самого мифа, как расколдовывание «нового дивного» (О. Хаксли) мира – переживание, религиозное по своему происхождению и семантике. Советский Союз – потерянный рай «ново-русского» человека, выброшенного на новый берег разрушительным поводом перестройки.

²⁹ «“Техника” предполагает в качестве условия дар чар и заклинаний. Теоретик – это критический провидец, техник – священнослужитель, изобретатель – пророк. <...> Всякое заклинание божества основывается... на исполнении известных лишь посвященному и имеющихся в его распоряжении ритуалов и таинств... Это относится не только к примитивному колдовству, но также и ко всякой физической технике. <...> Первобытный человек не усмотрит никакой разницы между волшебной силой, с помощью которой жрец его деревни властвует над демонами, и той, с которой цивилизованный техник повелевает своими машинами» (Шпенглер 2009: 349-350).

Под воздействием революционно-диалектического дискурса социальная наука рассматривает государство и государственность как синонимы, как две грани одного целого. Государственность здесь – второе, «парадное» имя государства в его соотносительности с историософским контекстом: история, цивилизация, Россия и Запад, судьба России и т.п. (Андреева, Скоробогацкий 2015: 28). В этом ракурсе государство приобретает значение трансисторического феномена. Это уже не государство «по Ленину», не технический инструмент политики партии, не аппарат управления жизнью общества, который может быть хорошим или плохим. Государство предстает в оболочке мифа и имеет особое, метафизическое задание – возвращение и защиту российской цивилизации. В образе России как страны-цивилизации, опекуном которой является государство, переплелись различные мотивы – идея локальных цивилизаций; примордиалистская концепция нации как единства «почвы и крови»; объяснительная модель «конфликта цивилизаций», сосуществующих в режиме гоббсовской «войны всех против всех». Последняя стала ведущим трендом в трактовке геополитической ситуации, сложившейся после внезапного исчезновения одной из двух сверхдержав эпохи холодной войны.

Перерастающая во всеядность теоретико-методологическая восприимчивость к еще недавно отвергаемым (как немарксистским) подходам и концепциям – свидетельство того, что отечественная социальная наука утратила креативную способность к производству нового знания. Несмотря на попытки использовать современные идеи и понятия для своих целей, она под воздействием сохраняющейся биологизаторско-эволюционной парадигмы демонстрирует склонность к заимствованию подходов из прошлого либо имитирует новизну, производя теоретические симулякры вроде глобального эволюционизма. Пластичность во внешнем бытовании социальной науки сочетается с теоретико-методологическим фундаментализмом, нацеленным на оберегание «основ». Но она так же далеко отстоит от свободы мышления и научного поиска, как казенный патриотизм от любви к родине, большой и малой. С этой точки зрения очевидно, что назрела потребность в осознанном отказе от научной парадигмы, сложившейся во второй половине XIX в., и в переходе к новой. Ее контуры проступают во взаимопереплетении вошедших в научный оборот в середине – второй половине XX в. подходов – системного, институционального, социокультурного, синергетики, кибернетики и пр.

Исходный пункт отказа от старой парадигмы – переосмысление революции и эволюции. Понятие эволюции, ранее выражавшее особенности развития в живой природе, его стохастический и ненаправленный характер, кардинальным образом меняет свое содержание в свете тех возможностей, которые появляются вместе с указанными выше подходами. В первую очередь расширяется предметное поле, охватывающее все возможные виды изменений в историческом процессе. Надо отметить, что переосмысление дарвиновской модели эволюции проходило не только в социальном и гуманитарном знании, но и в биологии, где разработано

понятие биологического прогресса (Северцов 1925)³⁰. В последние десятилетия в рамках исторической науки сложилось понятие социальной (культурной) эволюции как реорганизации культурной системы во времени, которая характеризуется множественностью направлений и системной – многофакторной и усложняющейся по мере развития – детерминацией (Класен 2000).

Время рассматривается как значащая детерминанта исторической эволюции обществ/культурных систем, протекающей различными, порой альтернативными путями в зависимости от конкретной конфигурации факторов внешней и внутренней среды системы и динамики их комплексного (системного) взаимодействия. Фундаментальная характеристика – способность к самоорганизации. Ее «открытие», то есть введение в теоретический анализ, явилось одной из причин пересмотра сложившегося в науке «сайенс» концепта времени³¹. Пространственный («обесчеловеченный») образ времени – длительность, или, по словам Ф. Броделя, устойчиво сохраняющееся в настоящем неизбывное прошлое, которое монотонно поглощает хрупкое время людей (Бродель 1986: 38), уступает место представлению о времени как мере присутствия человека в истории. «Присутствие», или хайдеггеровское *Dasein*, – онтологический аргумент, радикальным образом меняющий ход дискуссии об обратимости или необратимости времени в пользу последней. Тезис о необратимости времени, в свою очередь, предполагает – не как допущение, а в качестве императива – необходимость этических ограничений (самоограничений) в деятельности людей и этической оценки исторических событий и процессов. Об этической «нагруженности» нового образа времени говорил один из «отцов» синергетики И.Р. Пригожин: «...многовариантное видение мира, положенное в основание науки, с необходимостью раскрывает перед человечеством возможность выбора – выбора, означающего, между прочим, и определенную этическую ответственность» (Пригожин 1991: 52). «Овременивание пространства», «новое открытие времени» (Пригожин, Стенгерс 1986: 60, 62) – формулировки, раскрывающие направление поисков нового в трактовке эволюции, элементарную модель которой дает синергетика.

Реализуя открывающиеся возможности, сторонники «новой истории», основывающейся на понятии социальной эволюции, поставили вопрос о возвращении в теоретический оборот идеи прогресса в истории и связанных с ней понятий добра и зла (Коротаев и др. 2000: 25-26). При этом речь идет не о введении моральных критериев оценки уже случившегося: прагматическое толкование истории – вещь далеко не новая. Имеется в виду встраивание в структуру исторического процесса в качестве смыслообразующего стержня этического начала. По своему содержанию этическое – больше, чем нравственность или совокупность моральных норм, несводимо к ним. Этическое – образ человека, взятого в полном развертывании его

³⁰ См. также: (Северцов 1967).

³¹ «Принцип эволюции, сфокусированный на проблематику самоорганизации... приводит к пересмотру сложившихся представлений о времени» (Брянник 2021: 298).

родовой сущности, который выполняет функцию аттрактора в тех точках перелома (бифуркации) исторического процесса и возникновения альтернатив, где осуществляется выбор одной из них (Скоробогацкий 2014: 150).

Возвращение человека в историю – задача не только теоретическая, но и практическая (Кемеров 2022: 27). Первый из путей ее решения предполагает обращение к этическому началу истории как метаметодологическому контексту научного и политического анализа. Второй путь – включение в сферу исторического изучения повседневной жизни, одним из пионеров этого направления был Бродель. Повседневность составляет инфраструктуру исторического процесса, его живую реальную ткань. Обращение к ней – прием, с помощью которого замедляется течение времени – по сравнению с потоками и вихрями, заполняющими пространство макроистории. Замедление времени позволяет увеличить резкость изображения, укрупнить наблюдаемое событие, как бы вычленив его из потока и придав ему тем самым вид единственного и уникального³². В то же время общий план картины, утрачивая перспективу, переживает детализацию: на фоне исторических магистралей проступают едва заметные тропки, вместо акторов (классов, социальных групп и организаций) видны человеческие лица и поступки. Словом, те «мелочи», без которых историческая картина обесцвечивается и превращается в контурную карту, на которую можно, словно на *tabula rasa*, наносить произвольные маршруты. Скорее всего, это и заставило Бэкона отказать истории в статусе науки.

Возможны и другие пути возвращения человека в историю, например, инкорпорация ценностей (в виде оснований, норм, границ) в структуру научного познания, но это уже выходит за рамки нашей статьи.

Вместо заключения

Теперь мы попытаемся ответить на вопрос: возможна ли теоретически корректная постановка вопроса о судьбе СССР? Достаточен ли для этого методологический потенциал, заключенный в концепции социальной (культурной) эволюции?

Важнейшим следствием ее применения является десакрализация государства, поскольку вслед за переосмыслением понятия эволюции происходит и переоценка того исторического события, которое получило название Октябрьской революции. На наш взгляд, к этому побуждают два обстоятельства. Первое – то, что коренное изменение общественного устройства во Франции в конце XVIII в., идейно подготовленное движением Просвещения в свете опыта английских революций XVII в., происходило в иных условиях, нежели переворот в России. Помимо политических перемен (собственно революции) оно включало целый ряд реформ, которые изменили экономические и социальные отношения, придали новое качество цивилизации

³² «Ведь повседневность – это мелкие факты, едва заметные во времени и в пространстве... <...> Когда же вы сужаете наблюдаемое время до малых промежутков, то получаете либо какое-то событие, либо какой-то факт. Событие должно быть уникальным и полагать себя единственным» (Бродель 1986: 39).

во Франции и получили институциональное закрепление в гражданском кодексе Наполеона. И Ленин отчетливо сознавал, что в России в силу ее цивилизационной отсталости от передовых стран капитализма неприменима Марксова модель социальной революции, выработанная на основе событий во Франции, что в России возможен только *политический* переворот, который, как он считал, откроет возможности укрепления *элементарных* основ цивилизации европейского типа в стране «средне-слабого развития капитализма» в течение переходной исторической полосы. Второе обстоятельство связано с тем, что в условиях завершения индустриализации, которая охватила не только сферу производства, но и социальные отношения, культуру, образование, сферу общения, быт, семейные отношения, структуру личности и многое другое, социальные революции, использующие организованное и систематическое насилие, становятся историческим анахронизмом и невозможны по сути.

Утратившее свою революционную легитимность государство в условиях экономических и политических реформ 1990-х гг. и административных реформ начала нынешнего века медленно эволюционирует в направлении, обозначенном тремя конституционно закрепленными ориентирами: социальное, демократическое, правовое. Десакрализация государства – процесс небыстрый, он предполагает рост и укрепление местного самоуправления, децентрализацию государственного управления и формирование так называемого реального федерализма, осуществление прав и свобод человека, развитие институтов гражданского общества и политического участия граждан, защиту свободного предпринимательства и рыночных отношений, модернизацию системы среднего и высшего образования. И еще многое другое, без чего немыслима современная цивилизация.

Целевая детерминанта десакрализации государства – освобождение человека от власти прошлого, которое незримо присутствует в структурах настоящего и продолжает, как писал Бродель, монотонно поглощать хрупкое время людей, превращая их в сырой материал макроистории. Современность – это не идеал, списанный с чужих образцов, она начинается с человека, который решается свободно пользоваться своим разумом, и с общества, признающего за ним это право. Свобода, разум и право – три основных звена, открывающих вход в современную цивилизацию и составляющих условия возможности освобождения человека от власти прошлого³³.

На наш взгляд, освобождение человека от власти прошлого является составной частью формирования новой парадигмы социального познания, поскольку без очищения нашего сознания от «красно-белой» болез-

³³ «...В той мере, в какой в мироздании, в природе закономерен разум и неотделимая от него свобода носителя разума – человека, в той же самой мере для природы и человечества *закономерно право*. Ибо право является необходимым элементом самого механизма существования и развития людей, их сообщества – элементом, который способен преодолевать негативные стороны свободы (а значит, и разума), в главное – обеспечивать оптимальное функционирование условий и стимулов, приводящих к поступательному, прогрессивному развитию человеческого рода» (Алексеев 1998: 45-46).

ненной разорванности идущие из прошлого мифологемы (идеологические «априори») по-прежнему будут маскировать действительность, нынешнюю и прошлую, «подставляя» сознанию ее превращенные формы, уводя его в «зазеркалье» очередной *великой идеи*. Иными словами, взятые сами по себе методологические новшества не приведут к желаемой цели. Научная парадигма – это особое пространство метаметодологии, в котором теоретические принципы получают системное единство благодаря ценностному ядру – тому или иному решению проблемы человека и вытекающим из этого установкам на место и роль человека в мире. Поэтому становление и укрепление новой парадигмы социальной науки не исчерпывается обновлением теории и методологии. Но даже возникновение новой парадигмы – это только первый, хотя во многом и определяющий шаг. Второй – накопление достаточно полной эмпирической базы, научная реконструкция исторического процесса соответствующего периода, позволяющая построить картину прошлого в полифоническом единстве социальных, политических, экономических, культурных, гуманитарных и иных аспектов. И, наконец, необходима свобода научного поиска, становление новой культуры научной деятельности взамен «культуры партийности» или других форм корпоративной самоцензуры.

Формирование новой парадигмы социальной науки – процесс, идущий параллельно деконструкции идеологического мифа, в который, словно в болотную трясику, был погружен мир советского. Это означает, что данная парадигма, будучи в значительной мере обусловлена темпами и характером демифологизации действительности, является фактором, придающим «расколдовыванию» мира управляемый характер. Иначе хаотический, путем проб и ошибок совершающийся выход из прошлого может дать такие метастазы, на фоне которых позднесоветский мир будет действительно потерянным раем.

И надо помнить, что второго шанса история, как правило, не дает.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Алексеев С.С. 1998. Самое святое, что есть у Бога на земле. Иммануил Кант и проблемы права в современную эпоху. Москва : Норма. 416 с.

Андреева Ю.А., Скоробogaцкий В.В. 2015. Проблема российской государственности в свете эволюционно-синергетического подхода // Вопросы управления. № 6. С. 27-40.

Блок М. 1973. Апология истории, или Ремесло историка. Москва : Наука. 232 с.

Бродель Ф. 1986. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. Т. 1: Структуры повседневности: возможное и невозможное. Москва : Прогресс. 623 с.

Бродский И. 1999. О тирании // Бродский И. Сочинения : в 7 т. Санкт-Петербург : Пушкинский фонд. Т. 5. С. 85-91.

Брянник Н.В. 2021. От классики к постнеклассике. Этапы развития науки современного типа. Москва : Академический проект. 373 с.

Бэкон Ф. 1972. Великое восстановление наук // Бэкон Ф. Сочинения : в 2 т. Москва : Мысль. Т. 1. С. 57-546.

Гегель Г.В.Ф. 1994. Феноменология духа. Санкт-Петербург : Наука. 444 с.

- Гордон А.В. 2009. Культура партийности и опыт советского историознания // Россия и современный мир. № 3. С. 160-180.
- Гудков Л.Д., Дубин Б.В. 2009. Интеллигенция: заметки о литературно-политических иллюзиях. Санкт-Петербург : Издательство Ивана Лимбаха. 304 с.
- Жижек С. 2010. О насилии. Москва : Европа. 384 с.
- Ильин В.В., Ахиезер А.С. 1997. Российская государственность: истоки, традиции, перспективы. Москва : Издательство Московского университета. 384 с.
- Кант И. 1980. Предполагаемое начало человеческой истории // Кант И. Трактаты и письма. Москва : Наука. С. 43-59.
- Кант И. 1994. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Кант И. Собрание сочинений : в 8 т. Москва : Чоро. Т. 8. С. 21-34.
- Кемеров В.Е. 2022. Социальная философия: смена парадигм. Москва : Академический проект. 127 с.
- Классен Х.Дж.М. 2000. Проблемы, парадоксы и перспективы эволюционизма // Альтернативные пути к цивилизации / под ред. Н.Н. Крадина, А.В. Коротаева, Д.М. Бондаренко, В.А. Лынши. Москва : Логос. С. 6-23.
- Коротаев А.В., Кредин Н.Н., Лынша В.А. 2000. Альтернативы социальной эволюции (вводные замечания) // Альтернативные пути к цивилизации / под ред. Н.Н. Крадина, А.В. Коротаева, Д.М. Бондаренко, В.А. Лынши. Москва : Логос. С. 24-83.
- Кун Т. 2003. Структура научных революций. Москва : АСТ. 605 с.
- Ленин В.И. 1969а. Карл Маркс // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Москва : Политиздат. Т. 26. С. 43-93.
- Ленин В.И. 1969б. Как организовать соревнование? // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Москва : Политиздат. Т. 35. С. 195-205.
- Ленин В.И. 1970а. Письмо к съезду // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Москва : Политиздат. Т. 45. С. 343-348.
- Ленин В.И. 1970б. О кооперации // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Москва : Политиздат. Т. 45. С. 369-377.
- Ленин В.И. 1970с. Как нам реорганизовать Рабкрин // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Москва : Политиздат. Т. 45. С. 383-388.
- Ленин В.И. 1970д. Лучше меньше, да лучше // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Москва : Политиздат. Т. 45. С. 389-406.
- Ленин В.И. 1973. Три источника и три составных части марксизма // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Москва : Политиздат. Т. 23. С. 40-48.
- Маркс К. 1963. Письмо Лассалю, 16 января 1861 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Москва : Госполитиздат. Т. 30. С. 473-475.
- Павлов И.П. 1999а. Об уме вообще // Природа. № 8. С. 83-92.
- Павлов И.П. 1999б. О русском уме // Природа. № 8. С. 93-102.
- Пригожин И. 1991. Философия нестабильности // Вопросы философии. № 6. С. 46-52.
- Пригожин И., Стенгерс И. 1986. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. Москва : Прогресс. 432 с.
- Северцов А.Н. 1925. Главные направления эволюционного процесса. Москва : А.В. Думнов и К°. 84 с.
- Северцов А.Н. 1967. Главные направления эволюционного процесса. Морфо-биологическая теория эволюции. Москва : Издательство Московского университета. 201 с.
- Скоробогачкий В.В. 2014. Безвременье и время философии. Екатеринбург : Издательство Уральского университета. 270 с.

Скоробогачкий В.В. 2021. Советское: генезис, расцвет, пути трансформации в посткоммунистическую эпоху. Екатеринбург : Издательство Уральского университета ; Санкт-Петербург : Алетейя. 474 с.

Сталин И.В. 1947. Отчетный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б) // Сталин И.В. Вопросы ленинизма. Москва : Госполитиздат. С. 423-486.

Такер Р. 2006. Сталин. История и личность. Москва : Весь мир. 864 с.

Фрейденберг О.М. 1978. Миф и литература древности. Москва : Наука. 606 с.

Фроянов И.Я. 2008. Молитва за Россию. Санкт-Петербург : Астерион. 840 с.

Фуко М. 1994. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. Санкт-Петербург : А-cad. 407 с.

Фуко М. 2002. Власть и тело // Фуко М. Интеллектуалы и власть. Москва : Практис. Т. 1. С. 161-171.

Фуко М. 2010. Рождение биополитики. Санкт-Петербург : Наука. 448 с.

Черчилль В. 1932. Мировой кризис. Москва ; Ленинград : Государственное военное издательство. 328 с.

Шпенглер О. 2009. Закат Западного мира. Очерки морфологии мировой истории. Т. 2: Всемирно-исторические перспективы. Москва : Академический проект. 764 с.

Энгельс Ф. 1961. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Москва : Госполитиздат. Т. 21. С. 269-317.

Ясперс К. 1991. Смысл и назначение истории. Москва : Политиздат. 527 с.

References

Alekseev S.S. *The Holiest Thing that God Has on Earth. Immanuel Kant and the Problems of Law in the Modern Era*, Moscow, Norma, 1998, 416 p. (In Russ.).

Andreeva Yu.A., Skorobogatsky V.V. The Problem of the Russian Statehood in the Light of the Evolution-Synergetic Approach, *Voprosy upravleniya* [Management Issues], 2015, no. 6, pp. 27-40. (In Russ.).

Bacon F. *The Great Instauration*, Bacon F. *Collected Works in 2 volumes*, Moscow, Mysl', 1972, vol. 1, pp. 57-546. (In Russ.).

Bloch M. *The Apology of History, or The Historian's Craft*, Moscow, Nauka, 1973, 232 p. (In Russ.).

Braudel F. *Material Civilization, Economics, and Capitalism. Vol. 1: The Structures of Everyday Life*, Moscow, Progress, 1986, 623 p. (In Russ.).

Brianik N.V. *From Classics to Post-Non-Classics. Stages of the Development of Modern Type Science*, Moscow, Akademicheskii proekt, 2021, 373 p. (In Russ.).

Brodsky J. On Tyranny, Brodsky I. *Collected Works in 7 volumes*, Saint Petersburg, Pushkinskiy fond, 1999, vol. 5, pp. 85-91. (In Russ.).

Churchill W. *The World Crisis. 1918-1925*, Moscow & Leningrad, Gosudarstvennoe voennoe izdatel'stvo, 1932, 328 p. (In Russ.).

Claessen H.J.M. Problems, Paradoxes and Prospects of Evolutionism, *Kradin N.N., Korotaev A.V., Bondarenko D.M., Lynsha V.A. (eds.) Alternative Paths to Civilization*, Moscow, Logos, 2000, pp. 6-23. (In Russ.).

Engels F. Ludwig Feuerbach and the End of Classical German Philosophy, *Marx K., Engels F. Collected Works*, Moscow, Gospolitizdat, 1961, vol. 21, pp. 269-317. (In Russ.).

Foucault M. Power and Body, *Foucault M. Intellectuals and Power*, Moscow, Praktis, 2002, vol. 1, pp. 161-171. (In Russ.).

Foucault M. *The Birth of Biopolitics*, Saint Petersburg, Nauka, 2010, 448 p. (In Russ.).

Foucault M. *The Order of Things. An Archaeology of the Human Sciences*, Saint Petersburg, A-cad, 1994, 407 p. (In Russ.).

Freidenberg O.M. *Myth and Literature of Antiquity*, Moscow, Nauka, 1978, 606 p. (In Russ.).

Froyanov I.Ya. *Prayer for Russia*, Saint Petersburg, Asterion, 2008, 840 p. (In Russ.).

Gordon A.V. Party Culture and Soviet Experience in Study of History, *Rossiya i sovremenniy mir* [Russia and the Contemporary World], 2009, no. 3, pp. 160-180. (In Russ.).

Gudkov L.D., Dubin B.V. *The Intelligentsia: Notes on Literary and Political Illusions*, Saint Petersburg, Izdatel'stvo Ivana Limbakha, 2009, 304 p. (In Russ.).

Hegel G.W.F. *The Phenomenology of Spirit*, Saint Petersburg, Nauka, 1994, 444 p. (In Russ.).

Ilyin V.V., Akhiezer A.S. *Russian Statehood: Origins, Traditions, Prospects*, Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta, 1997, 384 p. (In Russ.).

Jaspers K. *The Origin and Goal of History*, Moscow, Politizdat, 1991, 527 p. (In Russ.).

Kant I. Conjectural Beginning of Human History, *Kant I. Treatises and Letters*, Moscow, Nauka, 1980, pp. 43-59. (In Russ.).

Kant I. The Idea of a Universal History on a Cosmopolitical Plan, *Kant I. Collected Works in 8 volumes*, Moscow, Choro, 1994, vol. 8, pp. 21-34. (In Russ.).

Kemerov V.E. *Social Philosophy: A Paradigm Shift*, Moscow, Akademicheskii proekt, 2022, 127 p. (In Russ.).

Korotaev A.V., Kradin N.N., Lynsha V.A. Alternatives to Social Evolution (Introductory Remarks), *Kradin N.N., Korotaev A.V., Bondarenko D.M., Lynsha V.A. (eds.) Alternative Paths to Civilization*, Moscow, Logos, 2000, pp. 24-83. (In Russ.).

Kuhn T. *The Structure of Scientific Revolutions*, Moscow, AST, 2003, 605 p. (In Russ.).

Lenin V.I. Better Fewer, But Better, *Lenin V.I. Complete Works*, Moscow, Politizdat, 1970, vol. 45, pp. 389-406. (In Russ.).

Lenin V.I. How to Organize Competition? *Lenin V.I. Complete Works*. Moscow, Politizdat, 1969, vol. 35, pp. 195-205. (In Russ.).

Lenin V.I. How We Should Reorganise the Workers' and Peasants' Inspection, *Lenin V.I. Complete Works*, Moscow, Politizdat, 1970, vol. 45, pp. 383-388. (In Russ.).

Lenin V.I. Karl Marx, *Lenin V.I. Complete Works*, Moscow, Politizdat, 1969, vol. 26, pp. 43-93. (In Russ.).

Lenin V.I. Letter to the Congress, *Lenin V.I. Complete Works*, Moscow, Politizdat, 1970, vol. 45, pp. 343-348. (In Russ.).

Lenin V.I. On Cooperation, *Lenin V.I. Complete Works*, Moscow, Politizdat, 1970, vol. 45, pp. 369-377. (In Russ.).

Lenin V.I. The Three Sources and Three Component Parts of Marxism, *Lenin V.I. Complete Works*, Moscow, Politizdat, 1973, vol. 23, pp. 40-48. (In Russ.).

Marx K. Letter to Lassalle, January 16, 1861, *Marx K., Engels F. Collected Works*, Moscow, Gospolitizdat, 1963, vol. 30, pp. 473-475. (In Russ.).

Pavlov I.P. On the Mind in General, *Priroda* [Nature], 1999, no. 8, pp. 83-92. (In Russ.).

Pavlov I.P. On the Russian Mind, *Priroda* [Nature], 1999, no. 8, pp. 93-102. (In Russ.).

Prigogine I. The Philosophy of Instability, *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 1991, no. 6, pp. 46-52. (In Russ.).

Prigogine I., Stengers I. *Order Out of Chaos: Man's New Dialogue with Nature*, Moscow, Progress, 1986, 432 p. (In Russ.).

Severtsov A.N. *The Main Directions of the Evolutionary Process*. Moscow, A.V. Dumnov i K°, 1925, 84 p. (In Russ.).

Severtsov A.N. *The Main Directions of the Evolutionary Process. Morphobiological Theory of Evolution*, Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta, 1967, 201 p. (In Russ.).

Skorobogatskiy V.V. *The Soviet: Genesis, Flourishing, and Ways of Transformation in the Post-Communist Era*, Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, Saint Petersburg, Aleteyya, 2021, 474 p. (In Russ.).

Skorobogatskiy V.V. *Timelessness and the Time of Philosophy*, Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2014, 270 p. (In Russ.).

Spengler O. *The Decline of the West. Vol. 2: Perspectives of World History*, Moscow, Akademicheskiy proekt, 2009, 764 p. (In Russ.).

Stalin J.V. Report to the Seventeenth Party Congress on the Work of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks), *Stalin J.V. Problems of Leninism*, Moscow, Gospolitizdat, 1947, pp. 423-486. (In Russ.).

Tucker R.C. *Stalin. History and Personality*, Moscow, Ves' mir, 2006, 864 p. (In Russ.).

Žižek S. *On Violence*, Moscow, Evropa, 2010, 384 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Вячеслав Васильевич Скоробогацкий

доктор философских наук, профессор, профессор кафедры государственного управления и политических технологий Уральского института управления – филиала РАНХиГС, г. Екатеринбург, Россия;
ORCID: 0009-0009-9981-2028;
SPIN-код: 5237-9048;
E-mail: skorobogatskiy-vv@ranepa.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vyacheslav V. Skorobogatskiy

Doctor of Philosophy, Professor, Department of Public Administration and Political Technologies, Ural Institute of Management – Branch of RANEPa, Yekaterinburg, Russia;
ORCID: 0009-0009-9981-2028;
SPIN-code: 5237-9048;
E-mail: skorobogatskiy-vv@ranepa.ru